

УДК 821.112.2-312.9
ББК 84(4Гем)-44
З-27

Liv Zander
KING OF FLESH AND BONE
Печатается с разрешения автора

Перевод английского *Валерии Двининой*
Дизайн обложки *Елены Лазаревой*

Зандер, Лив
З-27 Король плоти и костей : [фантастический роман] /
Лив Зандер; перевод с английского В. Двининой. — Москва :
Издательство АСТ, 2023. — 320 с. — (Mainstream. Темные
королевства).

ISBN 978-5-17-152228-5

Хуже, чем безжалостный король... это одержимый король.
Одиночество, мрак и гниющая плоть окружают меня,
душат. Я — злой король темного королевства. Я жажду тепла,
однако все, к чему прикасаюсь, отдает холодом.

Когда она попадает в мое королевство, потерянная и на-
пуганная, одинокая и сбита с толку, я пугаю ее еще больше. Она
называет меня дьяволом, и поэтому я решаю доставить ей дья-
вольское удовольствие.

Я — жар, который возбуждает ее плоть, страстное жела-
ние, от которого плавятся кости.

Она умоляет меня, пытается вырваться из моих объятий.
Но отныне я ее хозяин, я — король плоти и костей.

УДК 821.112.2-312.9
ББК 84(4Гем)-44

Copyright © 2022 by Liv Zander
www.livzander.com. All rights reserved
© В. Двинина, перевод на русский язык
© ООО «Издательство АСТ», 2023
ISBN 978-5-17-152228-5

СОДЕРЖАНИЕ

Глава 1. Ада	3
Глава 2. Ада	18
Глава 3. Ада	28
Глава 4. Ада	42
Глава 5. Ада	52
Глава 6. Ада	64
Глава 7. Енош	78
Глава 8. Ада	90
Глава 9. Ада	104
Глава 10. Ада.....	118
Глава 11. Енош	132
Глава 12. Ада.....	144
Глава 13. Ада.....	156
Глава 14. Ада.....	170
Глава 15. Ада.....	181
Глава 16. Ада.....	190
Глава 17. Енош	205
Глава 18. Ада.....	218
Глава 19. Ада.....	232
Глава 20. Ада.....	247
Глава 21. Енош	260
Глава 22. Ада.....	273
Глава 23. Енош	286
Глава 24. Ада.....	299
Глава 25. Ада.....	310

Глава 1

АДА

— **М**ертвецы беспокоятся. — За залитым дождем оконным стеклом расплылось мокрое кладбище. Воздух в доме был густ от запаха пота и сладкого духа околупродных вод. — Лучше тебе начать тужиться, а то мой муж выкарабкается сейчас из своей могилы.

Как и прочие трупы, зарытые в этой пропитавшейся влагой мягкой почве. Но чтобы мой Джон был одним из них?.. Чтобы он потащился через деревенскую площадь с пробитым после удара о скалу два лета назад черепом, раскисший и разбухший, с синей, прилипшей к штанам с изнанки кожей? Нет уж, черт побери, я позабочусь о том, чтобы он остался в земле.

Как-никак, это из-за меня он оказался там.

— Нет! Еще нет! — Сара сидела на корточках на кровати, вцепившись в ее край. Пальцы глубоко зарылись в соломенный матрас,

по пронизанным красными сосудиками щекам бежали слезы. — Я могу продержаться до утра.

Смахнув со лба светлые пряди, я опустилась на колени на утоптаный земляной пол — так лучше видно. Нет, по бедрам ее не текут красные струйки, кожа опухшая и покрасневшая, едва-едва прорезавшаяся между ног головка с темными волосами — без изменений... Но ради Хелфы, неужто она весь вечер заталкивала в себя ребенка, лишь бы удержать младенца внутри?!

— Больше тянуть нельзя. — Я погладила Сару по спине, подтянув выше ее мокрую от пота сорочку, а другой рукой раздвинула пошире ее ноги. — Ребенок выходит, хочешь ты того или нет.

Сара вся тряслась, и голос ее дрожал тоже, превратившись в тоненькое скуление, почти сливающееся с шорохом соломы:

— Но, Ада, одна мысль о том, что я не знаю, мертв он или все же жив, невыносима. Сколько еще до рассвета?

— Слишком долго, чтобы бежать от судьбы. — Полнолуния боялись все, но больше всех — женщины, обреченные родить ребенка в такую ночь. — Я ведь пришла — вместо того, чтобы отправиться на кладбище и покрепче придавить плиту на могиле мужа, — пришла, когда ты попросила меня о помощи.

— Я просила помочь удержать его внутри... а не вытаскивать наружу!

Скверная идея. Риск и для матери, и для ребенка. Скальп под белесой пленкой, обтянувшей головку, побагровел. Умирает ли он? Или уже мертв?

Роды в полнолуние я принимала всего лишь четыре раза, и все младенцы на следующее утро были живы, но рассказов других, не таких везучих повитух наслушалась вдоволь. Мертвые дети безутешно кричат, говорили они, кричат и стонут, как стонут другие трупы в стон-ямах.

Стон-ямы...

Меня передернуло от одной лишь мысли о них.

Трупы, собранные нами за последний месяц, уже устраивали свою жуткую переключку, оглашая Хемдэйл своими надрывными хрипами. Большинство мы нашли вокруг деревни, хотя некоторые в полнолуние любят падать в реку — и попадают в рыболовные садки.

Я вновь посмотрела на Сару:

— Рожай сейчас, и ребенок может дожить до утра. Оставь его торчать так... и с восходом солнца он будет лежать в колыбели холодный как лед. А ты будешь истекать кровью с ним рядом. Хочешь поскорее присоединиться к умертвиям?

— Нет! — тонко вскрикнула она. Мое терпение было на исходе, но...

Нет, никто из нас не хотел такой участи.

И все равно она ожидала всех нас.

Мужей. Стариков. Матерей.

Всех.

Даже этого ребенка.

То, что мертвые могут мирно покоиться в своих могилах, лежать себе и тихонько гнить в земле, мне кажется полной чушью. «На наши земли наложено злое проклятье», — говорится в поверье. Это бог на нас гневается за что-то. Я мысленно усмехаюсь. Нет, мы-то знаем, кого нужно винить.

Или *что*.

Беспрестанный стук дождя о стекло раздражал, все мое тело напряглось.

— Сара, пожалуйста. Вдовы не должны гоняться за своими мертвыми мужьями, и уж точно не под таким ливнем. Тужься!

Стон ее наполнил дом, смешавшись с шипением огня в очаге и треском плохо просушенных дров. Наконец Сара задержала дыхание и поднатужилась, вытолкнув малыша на еще один драгоценный дюйм. Показался крохотный нос — розовый!

Розовый — это обнадеживает.

— Еще! — Когда головка ребенка скользнула в мою ладонь, я чуть-чуть повернула ее, чтобы легче прошло плечико. — Еще капельку. Головка уже вышла.

Следующая схватка сопровождалась визгом.

Визгом Сары и визгом ржавых петель открывшейся двери. В дом заползли густые клубы дыма. Снаружи слышался гулкий, монотонный бубнеж — наверное, священники призывали селян взяться за оружие и окружить Хемдэйлскую стон-яму.

— Что это? — Уильям захлопнул дверь. Под полями черной фетровой шляпы гневно сверкнули глаза. — Что она тут делает?

Поскольку Сара кричала, скрученная очередной схваткой, я ответила вместо нее:

— Она рождает.

— Я не желаю видеть тебя возле моей жены. — Он поспешил к Саре, опустил ее на колени, стиснул ее трясущиеся руки. — Хватит и того, что из-за твоего проклятья погиб мой брат.

Я вздрогнула.

— Она прислала ко мне соседку, просила прийти.

— А я прошу тебя уйти, неженщина.

Неженщина.

Острая боль пронзила мою грудь. Боль росла, росла, пока мне не стало казаться, что шнуровка платья уже врезается в легкие. Пустышка, наказанная самим Хелфой, проклятая загибом матки... Как меня только не костерили люди, но «неженщина» было самым страшным — и самым правдивым прозвищем. А как еще назвать женщину, не способную подарить мужу сына?

Дитя, благословенное Хелфой.

Я и дочь - то родить не способна.

Конечно, я проклята.

Я сморгнула подступившие к глазам жгучие слезы, встала и гордо выпрямилась — ну, насколько позволял мой скрюченный, затекший позвоночник.

— Хочешь, чтобы я ушла? Да мне только того и надо.

Мой мул стоял в конюшне уже запряженный, как раз на тот случай, если мне понадобится эта старая упрямая скотина, чтобы втащить повозку на могилу Джона. Но что толку от предусмотрительности, если я не доберусь дотуда, поскольку колеса увязнут в размокшей земле? Вот - вот, никакого толку.

Сара закричала — плечико ребенка сдвинулось с места. Околоплодные воды потоком хлынули на земляной пол, забрызгав подол моей юбки. Капельки влаги повисли в воздухе.

Я быстро нагнулась, поймала младенца и прошептала:

— Пожалуйста, не кричи.

Мальчик выгнул спинку. Ручки и ножки его были скользкие, кожа покрыта белым налетом. Открылись маленькие глазки, голубые, как у меня, с любопытством оглядывая окружение. Они заморгали и остановились на мне. И внутри меня разлилось тепло, когда его крохотные губки потянулись к моей груди, как будто... как будто он был моим.

Я глубоко вдохнула, пытаюсь остановить наплыв чувств, и отодвинула от себя ребенка. Потому что он не мой. И ни один ребенок никогда не станет моим.

— Это мальчик.

Гробовая тишина воцарилась в комнате.

Сара зарылась лицом в матрас и замотала головой, так что захрустела солома. Ноги ее сползли с кровати, и пуповина утонула в грязи.

Уильям, хмурясь, смотрел на ребенка со смесью облегчения и ужаса — и оттого уголки его губ то приподнимались, то опускались.

— Он... жив?

Во рту у меня пересохло.

Жив ли он?

Чем дольше Уильям смотрел на меня, чем дольше Сара оставалась неподвижной, чем дольше оба они ждали ответа, тем холоднее становился воздух вокруг меня. Будучи повитухой — сколько раз я видела, как матери укачивают новорожденных, баюкают плачущих малышей при полной луне — а поутру обнаруживают их

холодными и одеревеневшими. Существует ли более жестокое проклятие?

Придерживая мальчика одной рукой, другой я подхватила со стоящего возле кровати стула вязаное одеяло и набросила его на младенца. Возможно, он и не нуждается в тепле, но будь я проклята, если я не дам ему этого тепла, пускай мы пока ни в чем не могли быть уверены. В горлышке мальчика зародился первый крик: влажное бульканье оставшейся в легких жидкости. По спине моей пробежали мурашки.

Это ничего не значит.

Все новорожденные кричат. Все плачут.

— До утра ничего не могу сказать. — Не могу и не хочу. — Молитесь, чтобы он взял грудь, но... готовьтесь к тому, что мертвые голода не испытывают.

Уильям встал, протянул руки, как будто собираясь взять сына, но сразу бессильно уронил их.

— Но он... он же пытается завывать.

Завывать.

Выть и бродить.

Вот что проделывают трупы в полнолуние. Они воют и бродят, неумные в своем стремлении добраться до Сумрачной башни на юге, и вопят, когда та не впускает их. Башня созывала их, словно жестокая сирена: каменный замок, окруженный горами трупов, замок, в котором обитал дьявол, виновный во всех наших бедах. Зло во плоти, как называли его священники, неземное, сверхъестественное существо из иного мира.

Король плоти и костей.

Я передала ребенка Уильяму — тот принял его с неохотой.

— Перережьте пуповину, дождитесь последа, держите его в тепле до утра... и молитесь. А мне надо придавить могилу Джона.

Набросив плащ, спрятав голову под капюшон, я вышла на улицу, и струи ливня тут же торопливо забарабанили по войлоку. Стук капель смешивался с глухим ворчанием, доносящимся из стон-ямы, и все внутри съежилось от беспокойства. За месяц яма переполнилась. Неужели в прошлом трупы действительно сжигали?

Наверное, это просто очередная байка...

Я завернула за угол здания суда, нырнула в кирпичную арку и вошла на кладбище. Между могилами бежали мягко поблескивающие ручьи, отражая мутный свет сияющей где-то за тучами полной луны. Вдоль кованых оградок выстроились мешки с зерном, хотя некоторые селяне уже перетащили их на могилы.

— Этого зерна мне хватило бы на год, — пробормотала я, направляясь к дубовой двери, прислоненной к ограде.

Ухватилась за край, поднатужилась, чуть ли не по щиколотку утопая в раскисшей земле, и... Проклятье, ну и тяжелая эта штука. Дверь упрямилась, выворачивая углами комья дерна. Меня бросило в пот, мышцы отчаянно заныли. Ну, еще немножко...

Дверь упала, громко хлюпнув и похоронив все посаженные мною фиалки под беспрестанным стуком дождя по деревянной створке. Звук был достаточно громок, чтобы приглушить

хор несущихся из ямы стонов, но, видит Хелфа, голоса папы он заглушить не смог.

— Промокла до нитки, но все равно придавливает эту чертову могилу. — Скрюченные подагрой пальцы вцепились в мешок с зерном и потащили его, чтобы водрузить на дверь. Седые волосы липли к черепу, из беззубого рта сыпались проклятья и брань по поводу погоды. — Не можешь ты удерживать его вечно, Ада.

— Двадцать три месяца, — ответила я. Холодная сырость щипала щеки. — Двадцать четыре, если ты сможешь мне запрячь мула в повозку. Земля совсем раскисла, и он может выбраться, так что стоит поставить на дверь телегу.

— Если колеса увязнут, твоя телега не вернется в стойло до весны.

— А если Джон выберется, мне придется догнать его, связать его и погрузить — куда? — правильно, в телегу, чтобы доставить обратно к могиле. — Я неотрывно смотрела на корявые папины пальцы, теребящие измазанный красным носовой платок. Неужто он опять кашлял кровью? — Колеса все равно увязнут. Так пускай они увязнут над моим мужем.

Старик поймал мой взгляд и поспешно сунул грязный платок в карман кожаного жилета.

— У тебя глаза красные, и кончик носа блестит. Ты плакала.

Ну, почти.

— У Сары родился сын.

— Живой или мертвый? — Я пожала плечами, и он медленно покачал головой. — Уильям заплатил тебе хоть что-то за помощь?

— Нет, но могу поспорить, он с радостью заплатил бы мне, чтобы я ушла. Жаль, что я торопилась.

— Скверный человечешко, — проворчал папа. — Ты слишком хороша, и это не лесть. Вечно берешь на себя чужие заботы. Заботишься о могиле того, кто давным-давно остыл.

— Человек стоит ровно столько, сколько стоит его обещание, — процитировала я слова папы, которые слышала все свое детство, ибо он повторял их беспрестанно, точно молитву. — Я разочаровала Джона живого, но не подведу Джона мертвого.

Пять зим назад я дала клятву в Тарвудской часовне, пообещав Джону быть покорной женщиной, плодовитой матерью и послушной женой.

Три обещания.

Два из них я нарушила.

Третье — держу.

Папа наклонил голову, хмуро глядя на меня, потом переступил с ноги на ногу, расплескав хлюпающую жижу:

— Упряма, как мать.

Мы обогнули западный угол, за которым гордо высилась беленая баня. Возле здания сидели на корточках двое мальчишек Флетчеров — сидели на самом краю ямы, да что там ямы, просто глубокой дыры в земле, кое-где укрепленной по краям частоколом.

Грегори, старший, потянулся и ткнул рога-тиной в голову трупя.

Мертвец застонал.

Глубочайшее отчаяние и боль слышались в этом вибрирующем звуке, напоминающем

судорожный кашель, клопочущий в воспаленном, покрытом язвами горле. У меня аж зубы занули. Труп возил стершимися до костяшек пальцами по скользкому дереву, мешающему ему выбраться.

Грегори вогнал рогатину в живот мертвеца, проделав довольно большую дыру, из которой вывалились лиловые кишки. Мертвец яростно зашипел. Умертвия обычно не досаждали живым, если их не провоцировать... но если напрашиваться, они способны разорвать тебя в клочья.

Стоявший неподалеку священник сердито покосился на мальчика:

— Не тревожь мертвых.

— Это какой-то чужак. — Грегори равнодушно пожал плечами. — Никогда не видел его раньше. И я не делаю ничего такого, что помешает ему уйти прочь, когда яму откроют. И вообще, это мертвые тревожат нас.

— И будут тревожить, пока мы не уничтожим дьявола. — Священник повернулся к деревенской площади так резко, что подол черной рясы хлестнул по босым ногам. Его звучный голос заглушил шум в беспокойной ночи. — Слушайте меня! Ваши близкие не найдут покоя, пока добрые люди этого края не помогут нам изловить Короля плоти и костей!

— Бабушка говорит, что никто не может войти в его королевство, так что и вытащить его оттуда не получится, — заявил Грегори, заслужив несколько кивков праздных прохожих и тех, кто готовился открыть яму. — Я как-то повстречался с охотником, ставившим капканы

вокруг Отравленных полей. Он сказал, что видел мертвых зверей, проходивших через Эфенские ворота, но никогда не видал там человека, ни мертвого, ни живого.

— Молитесь Хелфе. — Священник простер руки к небесам. — Молитесь, чтобы мы избавились от него, и поскорее.

Я усмехнулась, взяла папу под руку и повела его по тропинке к дому.

— Как будто священники в своих храмах не молились об этом последние... сколько там? Сотню лет?

— Больше. — Папа, шаркая, поднялся на холм. Штукатурка на стенах нашего дома давно растрескалась и осыпалась от непогоды. — Вопрос в том, что делать с существом, обладающим этаким силой.

Я двинулась через сад к конюшне, стоящей рядом с домом.

— Кто-то когда-то говорил мне, что однажды его пленили и удерживали с помощью огня. Вроде бы есть книга...

— Тс-с-с... — Папа оглянулся через плечо. — Не говори о книгах, когда священники поблизости. Сама знаешь, как они обходятся с нечестивыми писаниями об этом дьяволе...

Ба-бах!

Стойло содрогнулось от яростного удара железа по деревянным доскам. Затем последовало испуганное фыркание, и сердце мое заколотилось в такт с повторяющимися остервенелыми ударами.

Ба-бах. Фррррр. Тр-рах. Хррррр.

Еще удар. И еще.

Дерево затрещало.

Копыто пробило доску, и мое сердце подпрыгнуло к самому горлу. Да что ж за день-то такой злосчастный, неужто ему не будет конца? Я бросилась к стойлу, браня на чем свет стоит чертова мула — худшего момента для смерти эта тварь выбрать, конечно, не могла.

Папа семенил за мной.

— Проклятая скотина. Нужно было продать его мяснику, как я и говорил, еще когда этот мул отказался вставать на прошлой неделе. Теперь он разнесет все стойло.

Нужно было, могла бы, стоило бы, если бы да кабы...

Нет, ничто из этого не удержит Джона в земле.

Я повернулась к телеге:

— Я принесу веревки, и мы его стреножим.

— Тварь ринется к Порченым полям, едва ты откроешь конюшню.

— Ничего, годится, ведь кладбище как раз в той стороне. — Я схватила моток веревки. — По крайней мере на сей раз упрямая скотина пойдет туда, куда мне нужно. Пусть тащит свои кости Королю, коли ему угодно, но не раньше, чем телега окажется на могиле.

Я вернулась к стойлу, нервно посматривая на щели в досках.

— Посторонись.

Щеколда подпрыгивала при каждом ударе и подрагивала при каждом визгливом хрипе, завершающем искаженный болью рев мула. Старый Августин был жутко упрям при жизни, такого и могила не исправит.